

Кантерев Н. Ф. [Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович:]

Отношения между властью государственной и церковной в Древней Руси до патриаршества Никона // Богословский вестник 1910. Т. 1. № 1. С. 20–53 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Отношение между властью государственной и церковной в древней Руси до патриаршества Никона.

Отношение власти церковной и государственной в удельно-вечевои периодъ съ появленіемъ сильной власти великаго князя московскаго русскіе митрополиты становятся въ полную зависимость отъ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ. Патриаршество было учреждено у насъ царемъ, царямъ избирался все та и вся московскіе патриархи. Епархіальные архіереи назначались у насъ царемъ. Все епархіальное управление, какъ патриарха такъ и другихъ архіереевъ, находилось подъ постояннымъ контролемъ царя. Царь созывалъ церковныя соборы, назначалъ лицъ, какія должны были присутствовать на нихъ, предлагалъ вопросы на обсужденіе собора, наблюдалъ за соборными пріемими и обсуждениями, придавалъ окончательную редакцію соборнымъ дѣліямъ, отрицалъ или утверждалъ состоявшіяся соборныя постановленія и придавалъ имъ силу закона.

Обыкновенно патриархъ Никонъ нашими историками рассматривается и оцѣняется главнымъ образомъ какъ исправитель нашихъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, въ чемъ и видятъ самое главное, цѣнное и характерное дѣло его патриаршества. Но мы уже знаемъ, что Никонъ, какъ церковный реформаторъ, былъ созданиемъ царя Алексѣя Михайловича, программю котораго онъ только выполнялъ въ своей церковно-реформаторской дѣятельности. Самъ Никонъ, хотя одно время и сильно увлекался своею церковно-реформаторскою дѣятельностію, однако никогда не считалъ ее главнымъ дѣломъ своего патриаршества, которымъ онъ по этому, по оставленіи имъ патриаршей кафедры, уже болѣе совсѣмъ не интересовался, какъ дѣломъ не его личнымъ, а стороннимъ, близко и глубоко его лично не затрагивающимъ. Это потому, что дѣйствительную, настоя-

шую душу патриаршества Никона, въ чемъ онъ самъ видѣлъ главную задачу и весь смыслъ своего патриаршества, къ чему онъ постоянно и настойчиво стремился, находясь на патриаршей кафедрѣ, за что онъ неустанно и страстно боролся и послѣ оставленія имъ патриаршей кафедры.—было его стремленіе не только освободить церковную власть отъ зависимости отъ власти государственной, такъ какъ послѣдняя тогда надъ нею господствовала, но и утвердить то защищаемое имъ положеніе, что священство выше царства.

Въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи власть митрополита всяя Руси была совершенно независима отъ свѣтскихъ туземныхъ властей. Митрополиты были греки, ихъ избирали и ставили на Русь константинопольскіе патриархи, вмѣстѣ съ греческими императорами, судить и осудить ихъ, лишитъ ихъ кафедры, могъ только патриархъ, который разбиралъ всѣ жалобы на русскаго митрополита. Русскіе князья не участвовали въ выборѣ и постановленіи митрополита, и въ случаѣ недовольства какими-либо его дѣйствіями, могли только жаловаться патриарху, но сами, соборомъ своихъ мѣстныхъ архіереевъ, судить и низвергать митрополита не могли. Эта независимость митрополита отъ князей создавала ему особое, исключительное положеніе въ отношеніи къ нимъ: митрополитъ, не боясь князей, могъ смѣло, рѣшительно и твердо проводить въ жизнь общества и государства церковно-христіанскія начала, могъ, какъ облеченное высшимъ духовнымъ авторитетомъ лицо, обличать и мирить враждующихъ князей, смѣло вступаться за всѣхъ обиженныхъ и несчастныхъ, обличать общественныя беззаконія и неправды, и вообще являть изъ себя образъ истиннаго, власть имѣющаго, архипастыря,—къ заявленіямъ, обличеніямъ и настояніямъ митрополита ни одинъ князь не могъ отнестись равнодушно или пренебрежительно. Если вся Русь представляла тогда изъ себя рядъ небольшихъ, нерѣдко враждующихъ княжествъ, гдѣ каждый удѣльный князекъ считалъ себя полнымъ господиномъ и хозяиномъ своего удѣла, если власть великаго князя была очень неопредѣленна, слабо выражена, часто переходила изъ однихъ рукъ въ другія, и потому не могла дѣйствовать на всю русскую территорію, на строй жизни и на проявленіе ея въ цѣломъ народѣ: то иною совсѣмъ была власть митрополита.

Она была единою для всей Руси, ея вліяніе и значеніе простиралось на весь народъ, который видѣлъ въ митрополитѣ своего высшаго верховнаго руководителя и отца, она имѣла подѣ собою строгую каноническую почву, которая точно опредѣляла кругъ, сферу и образъ ея дѣйствій: ей—власти митрополита, церковными законами подчинены были все епархіальные архіереи, обязанные безпрекословно повиноваться во всемъ распоряженіямъ и указаніямъ своего верховнаго архипастыря, который надзиралъ за всею ихъ пастырскою дѣятельностью, творилъ надъ ними судъ и расправу. Словомъ политически разъединенная Русь, церковно объединялась тогда въ лицѣ митрополита, который былъ ея духовнымъ главою и владыкой, стоявшимъ внѣ всякой прямой и юридической зависимости отъ свѣтской власти князей. Духовный владыка русской земли былъ во многихъ отношеніяхъ сильнѣе и вліятельнѣе разъединенныхъ и враждующихъ между собою свѣтскихъ владыкъ: онъ вносилъ въ русское общество творческія высшія христіанскія начала жизни, на которыхъ должна была строиться и развиваться и частно-семейная, и общественная, и самая государственная жизнь цѣлаго народа,—все сферы этой жизни, не исключая самыхъ интимныхъ, подчинялись его наблюденію и воздѣйствію, почему власть митрополита естественно должна была имѣть доминирующее значеніе во всей тогдашней народной жизни, имѣть рѣшительный перевѣсъ передъ раздробленной на маленькія враждующія между собою части свѣтской государственной власти. И если тогдашніе митрополиты не использовали всей силы и могущества своей духовной власти въ видахъ того или другого своего воздѣйствія на весь строй и характеръ народной жизни, то причина этого заключалась вовсе не въ томъ, чтобы высшая духовная власть встрѣчала какія-либо серьезныя ограниченія и стѣсненія со стороны свѣтской власти въ своемъ стремленіи воздѣйствовать на народную жизнь, всецѣло подчинить ее своему духовному водительству, а въ томъ, что, за рѣдкими исключеніями, тогдашніе наши митрополиты были иноземцы, чуждые намъ по языку, воспитанію, нравамъ и обычаямъ. Русская жизнь съ ея строемъ, запросами и интересами была для нихъ совершенно чужая, сторонняя, ихъ не затрогивавшая, къ которой они въ большинствѣ

относились спокойно—равнодушно, вовсе не думая тѣсно сживаться и сливаться съ нею. И личныя ихъ качества, конечно, далеко не всегда были выдающимися, не всегда и серьезная образованность была ихъ принадлежностью; лучшіе—образованные и даровитые іерархи нужны были и въ Греціи, и едва ли такія лица выражали особенную охоту идти въ далекую и, по понятіямъ грековъ, варварскую Русь, въ которую по необходимости попадали въ большинствѣ люди средніе, искавшіе виднаго и доходнаго мѣста, какого они не могли получить у себя дома. При этомъ иностранцы митрополиты приносили на Русь тѣ идеалы общественнаго и государственнаго строя и жизни, которые были выработаны ихъ родиною. Сдѣлавшись русскими митрополитами они и на Руси руководились греко-византійскими нормами, какъ лучшими и совершеннѣйшими, а потому въ своей общественно - государственной дѣятельности, въ качествѣ русскихъ митрополитовъ, проявляли не творчество на основѣ русскихъ національно-мѣстныхъ условій, а только переносили на русскую почву стороннія ей византійскія нормы права, порядка и пр.

Между тѣмъ на Руси стало складываться сильное московское княжество, а въ немъ сильная власть великаго князя. И какъ только московскіе князья выдвинулись изъ ряда другихъ удѣльныхъ князей, они сейчасъ же привлекли къ себѣ митрополита, убѣдивши его поставить свою митрополичью каѳедру въ Москвѣ. Затѣмъ они, уже теперь сильныя и вліятельныя, настоятели предъ константинопольскимъ патріархомъ, чтобы русскіе митрополиты ставились обязательно изъ русскихъ и чтобы они были избранниками великаго князя. Образовался тѣсный союзъ власти духовной и свѣтской въ лицѣ митрополита и въ лицѣ великаго князя московскаго и всея Руси. Опираясь между прочимъ на содѣйствіе митрополитовъ, великаго князь московскій успѣлъ подавить всѣ удѣльныя княжества, заставилъ себя признать главою и верховнымъ управителемъ уже цѣлаго московскаго царства, политическимъ хозяиномъ и распорядителемъ его судьбы; никакой другой князь не могъ болѣе оспаривать теперь первенства и главенства великаго князя московскаго. Тогда стали измѣняться и отношенія великихъ князей къ митрополитамъ: московскіе князья достигли того, что митро-

политы не только избирались великимъ княземъ изъ русскихъ, но и ставились въ Москвѣ, совершенно независимо отъ константинопольскаго патріарха, соборомъ русскихъ іерарховъ. Этотъ новый порядокъ избранія и постановленія митрополита, сразу кореннымъ образомъ измѣнилъ общественное положеніе митрополита и его отношеніе къ свѣтской власти. Митрополитъ избирался изъ подданныхъ великаго князя, избирался изъ лицъ ему желательныхъ и имъ указанныхъ, и, ставъ митрополитомъ, попрежнему оставался его подданнымъ, вполнѣ зависимымъ отъ князя. Если бы такъ избираемый и поставляемый митрополитъ сталъ въ чемъ-либо противиться волѣ великаго князя, послѣдній всегда легко могъ замѣнить его другимъ болѣе удобнымъ ему лицомъ,—соборъ русскихъ іерарховъ, подданныхъ великаго князя и поставляемыхъ подъ его воздѣйствіемъ, всегда готовъ былъ исполнить волю и желаніе великаго князя. Русскій митрополитъ, изъ свободнаго и независимаго отъ свѣтской власти, теперь превращается въ покорнаго слугу великаго князя, исполнителя его велѣній и желаній. Изъ прежнихъ правъ, которыя ранѣе принадлежали митрополиту, независимому отъ свѣтской власти, теперь осталось только одно: право печаловаться предъ великимъ княземъ за опальныхъ, несчастныхъ и обиженныхъ, да и этимъ-то правомъ пользовались уже не всѣ митрополиты, и пользовались притомъ съ большою оглядкой. Какъ скоро свѣтская власть вполнѣ убѣдилась, что она сильнѣе духовной, что митрополитъ въ существѣ такой же подданный великаго князя, какъ и другіе его подданные, съ ними не стали церемониться. Митрополитовъ, не нравившихся высшей свѣтской власти, стали спокойно низводить съ ихъ престоловъ, и замѣнять другими болѣе подходящими лицами. За обличенія свѣтской власти и за „печалованія“ передъ нею святой митрополитъ Филиппъ не только лишенъ былъ каеедры, но и самой жизни. Послѣ этого и право митрополитовъ „печаловаться“ стало все болѣе суживаться и все рѣже проявляться, а наконецъ и совсѣмъ было забыто представителями нашей церкви.

Такимъ образомъ еще московскіе митрополиты превращены были въ покорныхъ и, нерѣдко, раболѣпныхъ слугъ—„потаковниковъ“, какъ ихъ тогда называли, великаго князя; выс-

шая духовная власть—митрополитъ былъ совершенно беспсиленъ и безправенъ предъ выросшею и окрѣпшею властію ве никаго князя, который уже избираетъ, ставитъ и низводитъ митрополита по своему желанію и усмотрѣнію. Народъ и все общество не находило въ такомъ порядкѣ дѣлъ ничего ненормальнаго; по его мнѣнію дѣло такъ именно и должно было стоять, такъ какъ митрополитъ у насъ никогда не былъ народнымъ избранникомъ, и потому никто, кромѣ великаго князя, не былъ у насъ заинтересованъ въ личной судьбѣ того или другого митрополита.—все вѣдаетъ и знаетъ князь, онъ всѣмъ распоряжается и, въ частности, митрополитомъ, его избранникомъ и ставленникомъ. Народъ только желалъ, чтобы былъ митрополитъ, какъ поручитель за правильный и безостановочный ходъ обычной церковной жизни; но до тѣхъ или другихъ отношеній митрополита къ великому князю, до самой личности митрополита, той или другой его судьбы и положенія, ему не было собственно никакого дѣла. Въ такихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились у насъ свѣтская и духовная власть, когда учреждено было патриаршество.

Москва была признана русскими законною наследницею Византіи, въ силу чего Московскій великій князь вѣнчался царскимъ вѣнцомъ, и его царское вѣнчаніе было торжественно признано и утверждено особымъ соборнымъ актомъ четырехъ вселенскихъ восточныхъ патриарховъ. Но византійскія представленія требовали, чтобы рядомъ съ царемъ всегда существовалъ и патриархъ,—это было необходимо для полноты православнаго христіанскаго царства. Въ силу, между прочимъ, именно этаго представленія болгарскіе и сербскіе государи, принимая титулъ императоровъ, въ то же время всегда учреждали у себя и патриаршество, несмотря на энергическое противодѣйствіе константинопольскихъ патриарховъ. Русскіе, въ этомъ случаѣ, стояли также на почвѣ византійскихъ представленій и потому у нихъ, вслѣдъ за утвержденіемъ на Руси царскаго достоинства естественно явилась мысль и объ учрежденіи въ Москвѣ патриаршества, чтобы Москва и съ церковной стороны ничѣмъ не уступала старой Византіи, чтобы и въ Москвѣ въ этомъ отношеніи было точно такъ же, какъ и въ Византіи при ея старыхъ славочестивыхъ царяхъ. Этого требовала полнота христіан-

скаго русскаго царства, теперь единаго православнаго во всей вселенной; этого требовало вполнѣ цвѣтущее и блестящее вѣдшее положеніе русской церкви, особенно сравнительно съ бѣдственнымъ угнетеннымъ положеніемъ всѣхъ другихъ православныхъ восточныхъ церквей, этого требовало рѣзко бросающееся въ глаза несоотвѣтствіе между положеніемъ Москвы, какъ покровительницы и опоры для всѣхъ восточныхъ православныхъ церквей и самихъ восточныхъ патріарховъ, и іерархическимъ положеніемъ ея церковнаго главы, только простаго митрополита. Естественно было поэтому желать русскимъ, чтобы рядомъ съ московскимъ царемъ существовалъ и московскій патріархъ, чтобы благодаря этому русская церковь заняла подобающее ей положеніе среди другихъ православныхъ восточныхъ церквей.

Когда въ 1386 году въ Москву прибылъ за милостынею антиохійскій патріархъ Іоакимъ, то царь Федоръ Ивановичъ, говоритъ статейный списокъ объ учрежденіи у насъ патріаршества, „помысля съ своею благовѣрною и христіюливою царицею Ириною, говорилъ съ бояры: изначала, отъ прародителей нашихъ, кievскихъ, владимірскихъ и московскихъ государей царей и великихъ князей благочестивыхъ, поставлялись наши богомольцы, митрополиты кievскіе, владимірскіе, московскіе и всея Россіи отъ патріарховъ цареградскихъ и вселенскихъ“; потомъ ихъ стали поставлять въ Москвѣ „по приговору и по избранію прародителей нашихъ и всего освященнаго собора отъ архіепископовъ и епископовъ, російскаго царства даже и до нашего царствія“. Теперь же государь рѣшилъ просить у Бога милости, „дабы устроилъ въ нашемъ государствѣ московскомъ російскаго патріарха“, почему и слѣдуетъ просить антиохійскаго патріарха Іоакима, чтобы онъ взялъ на себя миссію, довести желаніе царя до свѣдѣнія другихъ восточныхъ патріарховъ. Бояре одобрили мысль царя объ учрежденіи въ Россіи патріаршества и Борису Федоровичу Годунову поручено было войти объ этомъ въ переговоры съ антиохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ. что тотъ и исполнилъ.

Въ этомъ официальномъ разсказѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что мысль о необходимости учрежденія патріаршества въ Россіи высказывается

въ первый разъ царемъ, который посовѣтывавшись съ своею царицею, сообщаетъ затѣмъ свое рѣшеніе учредить на Москвѣ патріаршество не собору русскихъ іерарховъ, какъ бы можно было ожидать, а боярамъ, и заручившись только ихъ согласіемъ, поручаетъ вести переговоры съ антїохійскимъ патріархомъ не митрополиту или какому-либо другому іерарху, а Борису Годунову. На участіе въ этомъ церковномъ дѣлѣ какого-либо духовнаго лица, а тѣмъ болѣе цѣлаго собора іерарховъ, нѣтъ и намека. Очевидно, участіе духовныхъ властей въ обсужденіи вопроса объ учрежденіи у насъ патріаршества считалось пока совершенно излишнимъ.

Когда въ 1588 году въ Москву неожиданно прибылъ за милостынею самъ константинопольскій патріархъ Іеремія. царь, опять посовѣтывавшись съ своею царицею и поговоря только съ боярами, а не духовными властями, рѣшается воспользоваться пребываніемъ въ Москвѣ Іереміи, чтобы поставить русскаго патріарха. Для переговоровъ съ Іереміею, по рѣшенію царя и бояръ, назначается попрежнему Борисъ Годуновъ, который долженъ былъ посовѣтоваться съ патріархомъ: „возможно ли тому статься, чтобы ему быть въ его государствѣ, російскомъ царствѣ, въ стольномъ нашемъ градѣ Владимірѣ“. Когда Іеремія изъявилъ желаніе остаться патріархомъ обязательно только въ Москвѣ, и ни подъ какимъ видомъ не соглашаться поселиться во Владимірѣ, несмотря на многократные уговоры Годунова, царь снова созвалъ бояръ и заявилъ имъ, что такъ какъ Іеремія не соглашается жить во Владимірѣ, а только въ Москвѣ, что неудобно, то и слѣдуетъ просить его чтобы онъ поставилъ въ русскіе патріархи московскаго митрополита Іова, о чемъ, по приговору государя и бояръ, и былъ освѣдомленъ Іеремія Борисомъ Годуновымъ и дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Когда Іеремія уже окончательно согласился поставить въ русскіе патріархи „кого благочестивый государь произволить“, только тогда, именно въ 17 день января 1589 года, царь наконецъ собралъ соборъ изъ русскихъ іерарховъ и изложилъ на немъ ходъ переговоровъ объ учрежденіи на Руси патріаршества. заявилъ собору о согласіи Іереміи поставить въ патріархи русскаго, и въ заключеніе предложилъ митрополиту Іову посовѣщаться со всѣми отцами собора, „какъ бы Богъ далъ. такое великое и преславное дѣло въ Россіи устроилось“.

На это предложеніе царя отцы собора, посовѣтовавшись между собою, отвѣтили царю, „что они полагаются на волю его—благочестиваго государя“. По избранію и повелѣнію царя митрополитъ московскій Іовъ и былъ потомъ поставленъ Іереміею въ патриархи московскіе и всея Россіи.

Такимъ образомъ, все дѣло учрежденія патриаршества въ Россіи велось исключительно свѣтскою властію и свѣтскими лицами, безъ всякаго участія въ немъ лицъ духовныхъ. И только тогда, когда оно уже рѣшено было окончательно, когда указано было и лицо, предназначенное царемъ въ патриархи, созвали соборъ изъ духовныхъ лицъ, которые однако только смиренно заявили цѣлымъ соборомъ, „что они во всемъ полагаются на волю его—благочестиваго государя“. и такимъ образомъ отказались отъ всякаго дѣятельнаго участія въ такомъ дѣлѣ, которое, казалось бы, прежде всего и главнымъ образомъ касалось не свѣтскихъ, а духовныхъ лицъ, не боярской думы, а церковнаго собора, и которое должно бы вестись не Годуновымъ и Щелкаловымъ, а тѣми или другими русскими іерархами, какъ ближе, чѣмъ свѣтскія лица, заинтересованными фактомъ учрежденія у насъ патриаршества.

Если учрежденіе патриаршества было у насъ, съ одной стороны, исключительно дѣломъ свѣтской власти, вовсе конечно и не думавшей поступиться этимъ какими-либо своими прежними правами въ пользу духовной, въ видахъ приданія послѣдней большей самостоятельности и силы относительно власти свѣтской; то, съ другой стороны, учрежденіе у насъ патриаршества вовсе не вызывалось и какими-либо особыми настоятельными причинами, лежавшими во внутреннемъ строѣ и характерѣ нашей церковной жизни, въ какихъ-либо мѣстныхъ, чисто церковныхъ и общественныхъ стремленіяхъ и потребностяхъ. Оно—патриаршество, по отношеніи ко всей совокупности нашей внутренней церковной жизни, было явленіемъ чисто внѣшнимъ, случайнымъ, не затрогивавшимъ ея прежнихъ основъ, направленія и характера, всегда остававшимся только на ея поверхности, не вносящимъ въ нея ничего новаго, обновляющаго прежній церковный строй жизни и ея прежніе традиціонные порядки. Съ учрежденіемъ патриаршества получилась не новая какая-либо церковная сила, а только внѣшнее украшеніе цер-

кви. Московскій патріархъ по своему общественному и церковному положенію, по своимъ духовнымъ правамъ былъ совершенно то же, что и московскій митрополитъ.—существенныхъ перемѣнъ въ этомъ отношеніи никакихъ не произошло. Значить, съ учрежденіемъ патріаршества отношенія у насъ свѣтской власти къ духовной совершенно не измѣнились, а остались прежнія т. е. и патріархъ, какъ ранѣе митрополитъ, всецѣло и во всемъ зависѣлъ отъ свѣтской власти, которая распоряжалась имъ въ своихъ видахъ, по своему усмотрѣнію, нисколько не перемоняя съ самою личностію патріарха, если находила его чѣмъ-либо негоднымъ себѣ. Это съ особенною ясностію обнаружилось уже при самыхъ первыхъ патріархахъ.

Умеръ царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ и патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ присягнулъ сыну Бориса-Феодору. Феодоръ былъ убитъ, а Лжедмитрій провозглашенъ царемъ. Прежде чѣмъ онъ вступилъ въ Москву, толпы москвичей съ оружіемъ и дреколіемъ вторгнулись въ Успенскій соборъ, гдѣ тогда служилъ Іовъ, не дали ему окончить литургію и, заставивъ разоблачиться, съ позоромъ таскали его по церкви и вывели затѣмъ за Кремль, къ лобному мѣсту, гдѣ толпа била и безчестила патріарха, а потомъ съ криками: „богатъ, богатъ Іовъ патріархъ, идемъ и разграбимъ его“, разграбила домъ и имущество первосвященника, а самъ онъ, въ простой рясъ чернеца и на убогой телѣгѣ, отправленъ былъ въ городъ Старицу. Между тѣмъ Лжедмитрій торжественно вѣхалъ въ Москву и на лобномъ мѣстѣ, гдѣ недавно народъ билъ и безчестилъ своего патріарха, былъ торжественно встрѣченъ митрополитами, архіепископами, епископами и всѣмъ освященнымъ соборомъ съ крестами, иконами, хоругвями, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней. Новый царь привезъ съ собою и новаго патріарха. Это былъ, ранѣе пріѣхавшій въ Москву съ о. Кипра, греческій архіепископъ Игнатій, получившій у насъ рязанскую архіепископію и теперь предложенный Лжедмитріемъ въ московскіе патріархи. Русскіе архіереи безпрекословно исполнили повелѣніе Лжедмитрія, и грекъ Игнатій сталъ законнымъ патріархомъ Московскимъ и всея Россіи. Никто изъ архіереевъ не вступился за обезчещеннаго, публично опозореннаго Іова, никакимъ соборомъ не лишеннаго своихъ патріаршихъ

правъ; — наши іерархи спокойно смотрѣли на низверженіе Іова и спокойно, своимъ согласіемъ, санкціонировали законность поставленія Игнатія.—Лжедмитрій былъ убитъ, и въ Москвѣ избрали новаго царя—Василія Івановича Шуйскаго, который немедленно, по своемъ избраніи, низложилъ патріарха Игнатія, а на его мѣсто велѣлъ поставить Гермогена, архіепископа Казанскаго. что наши іерархи, опять безпрекословно, и исполнили. Шуйскій былъ низложенъ съ царскаго престола, и у насъ образовалась сильная боярская партія въ пользу призванія на московскій престоль польскаго королевича Владислава. Эта партія временно взяла верхъ и патріархъ Гермогенъ былъ низведенъ съ патріаршаго престола и потомъ погибъ насильственной смертію. На его мѣсто снова былъ возведенъ прежній патріархъ грекъ Игнатій, который однако чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ въ Литву, и московская патріаршая кафедра осталась теперь совсѣмъ безъ патріарха. Такъ продолжалось слишкомъ семь лѣтъ, вплоть до избранія въ патріархи Филарета Никитича.

Изъ сдѣланнаго бѣглаго историческаго обзора перемѣнъ въ судьбѣ первыхъ трехъ московскихъ патріарховъ ясно видно, что эти патріархи избирались и низвергались исключительно свѣтскою властію, которая, преслѣдуя свои интересы, распоряжалась патріаршею кафедрою по своему усмотрѣнію и произволу, не встрѣчая себѣ въ этомъ ни малѣйшаго противодѣйствія ни со стороны освященнаго собора, ни тѣмъ болѣе со стороны народа; самъ же патріархъ рѣшительно не имѣлъ никакихъ средствъ въ своемъ распоряженіи которыми бы онъ могъ, хотя сколько-нибудь, огрaдить себя отъ произвола и насилій свѣтской власти.

Съ восшествіемъ на патріаршій престоль отца государя—Филарета Никитича Романова, патріархъ сразу получилъ огромное значеніе: онъ не только безконтрольно и независимо управлялъ церковію, но фактически вѣдалъ и всѣ дѣла государственныя, нося титуль, наравнѣ съ царемъ, великаго государя. Но этотъ блескъ и особое значеніе Филарета Никитича зависѣли вовсе не отъ того, что онъ былъ патріархъ, что-бы теперь за патріаршею властію, какъ такою, были признаны какія-либо особыя, исключительныя права и независимость отъ свѣтской власти, а единственно потому, что онъ былъ отцомъ государя, который во всѣхъ дѣлахъ руко-

водствовался всегда совѣтами и указаніями своего родителя. Въ дѣйствительности же отношенія между патріаршею и свѣтскою властію и послѣ Филарета Никитича продолжали быть такими же, какими они были и ранѣе, т. е. патріархи попрежнему находились въ полной зависимости отъ свѣтской власти, и безъ ея согласія и одобренія не могли сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага, тѣмъ болѣе конечно не могли что-либо сдѣлать вопреки ея желаніямъ и настояніямъ.

Два первые преемника Филарета Никитича, патріархи Іоасафъ и Іосифъ, были избранниками и ставленниками государя, и оба были личностями довольно безцвѣтными, даже вовсе и не думавшими о какой-то независимости отъ свѣтской власти, предъ которой они чувствовали и сознавали все свое безсиліе. Никонъ былъ избранъ въ патріархи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, что подтверждаетъ слѣдующая современная событію замѣтка: „того-жъ (1652) году, іюля въ 25 день, по изволенію Божію и по избранію государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича самодержца всея Русіи зъбояры и со всѣмъ вселенскимъ соборомъ поставленъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ патріархи ноугородцкій и великолутцкій митрополитъ Никонъ“¹⁾. Соборъ 1660 года постановилъ низложить Никона и немедленно назначить ему преемника, какъ скоро на избраніе новаго патріарха государь „дастъ свое богомудрое и преимущественное согласіе съ своимъ преизящнымъ синклитомъ“²⁾.

Очевидно патріархи избирались только царемъ, который объ этомъ дѣлѣ совѣтывался съ своимъ „преизящнымъ синклитомъ“ т. е. съ боярскою думою. Впрочемъ соборъ архіереевъ открыто и прямо отказывался отъ выбора патріарха, предоставляя это дѣло исключительно государю, и такъ поступалъ онъ не только въ указанномъ нами случаѣ: при выборѣ перваго патріарха Іова, но и въ послѣдующее время. Когда въ 1672 году умеръ патріархъ Іоасафъ 2-й, то 5 іюля государь велѣлъ, ранѣе имъ созваннымъ въ Москву епископамъ и другимъ властямъ, явиться къ нему въ столовую

¹⁾ Чт. общ. пет. и древн. 1905 г. кн. III, смѣсь, стр. 26

²⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 108

палату. Когда они пришли, „великій государь изволилъ властямъ говорить, что бы на патріаршескій престолъ избрали они кого всѣмъ освященнымъ соборомъ. И власти, вставъ, великому государю говорили: *что о такомъ великомъ дѣлѣ какъ ты, великій государь, укажешь*“. Въ виду такого отвѣта властей государь заявилъ собору, что „мы соблаговоляемъ и соизволяемъ“ быть патріархомъ повгородскому митрополиту Питириму, котораго соборъ и поставилъ въ патріархи. Когда въ 1690 году, 17 марта, умеръ патріархъ Іоакимъ, то 23 августа государи пригласили къ себѣ архіереевъ, архимандритовъ и весь освященный соборъ: „и великіе государи говорили архіереемъ, о избраніи патріарши. И власти великимъ государемъ говорили: что о такомъ великомъ дѣлѣ какъ они, великіе государи, укажутъ“. Государи, посовѣтовавшись съ архіереями, указали на Казанскаго митрополита Адріана, который и былъ поставленъ патріархомъ ¹⁾.

Понятно почему древне-русскіе епископы даже сами такъ рѣшительно отказывались отъ соборнаго избранія патріарховъ и предоставляли это дѣло всецѣло государю и его боярской думѣ. Московскій патріархъ былъ тогда слишкомъ важное, видное и вліятельное лицо, не только церковное, но и государственное. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ царю лицъ, съ которымъ государь совѣтовался какъ о дѣлахъ церковныхъ, такъ и государственныхъ. Царь и патріархъ видѣлись почти постоянно, такъ какъ царь обязательно присутствовалъ на всѣхъ торжественныхъ патріаршихъ службахъ. Никонъ какъ на одну изъ причинъ неожиданнаго оставленія имъ патріаршаго престола указывалъ на то обстоятельство, что царь не сталъ ходить къ тѣмъ службамъ, которыя совершалъ патріархъ, откуда онъ—Никонъ и заключилъ, что царь на него гнѣвается. Цари нерѣдко приглашали на свои обѣды патріарховъ, а патріархи царей. Въ Дворцовыхъ разрядахъ постоянно встрѣчаются такія замѣтки: „того жъ дни ѣлъ у государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Русіи святѣйшіи Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, а съ нимъ власти, а столъ былъ

¹⁾ Дворцовые разряды, дополненіе къ 3-му томъ, стр. 447 и 448 (V стр. 578)

по грановитой палатѣ, а у стола велѣлъ государь быть боярамъ и околничимъ всѣмъ безъ мѣстъ“: или: „того жъ дни ѣлъ у государя святѣйшій Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, а столъ былъ по столовой избѣ“. Такія же записи встрѣчаются когда государь обѣдалъ у патріарха: „того жъ дни государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи ѣлъ у святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи, а у стола были бояре и околничіе, всѣ безъ мѣстъ“: или: „того жъ дни государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи ѣлъ у святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея Русіи“¹⁾. При такой, такъ сказать, постоянной и исключительной личной близости царя и патріарха, при ихъ почти ежедневномъ взаимообщеніи естественно было, что кандидата въ патріархи всегда избиралъ царь, избиралъ лицо ему хорошо извѣстное и пріятное. Странно было бы, при такихъ условіяхъ, предоставить выборъ въ патріархи собору, а не царю, такъ какъ соборъ могъ выбрать такое лицо, съ которымъ бы царь не могъ и не пожелалъ бы имѣть того постоянного близкаго общенія, какое онъ обычно имѣлъ съ патріархомъ. А это могло бы повести даже къ неожиданнымъ осложненіямъ и столкновеніямъ, какъ это и случилось, когда патріархъ Никонъ разошелся съ царемъ, причемъ недоразумѣнія между царемъ и патріархомъ несомнѣнно неблагоприятно, отражались бы на всѣмъ ходѣ церковныхъ дѣлъ, а въ известной степени и на дѣлахъ государственныхъ. Вообще патріархъ, не пользовавшійся личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя, не имѣлъ бы, самъ по себѣ, должнаго значенія и вліянія и въ церкви и въ государствѣ. Какъ ненормально тяжело было положеніе патріарха, не пользовавшагося расположеніемъ царя, это хорошо видно изъ тѣхъ горькихъ заявленій, какія своимъ приближеннымъ дѣлалъ патріархъ Іосифъ въ послѣднее время своего патріаршества: „перемѣнить меня, говорилъ онъ, скинуть меня хотятъ; а буде и не оставятъ, я самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ“. При такихъ условіяхъ, очевидно, патріарха

¹⁾ Дворцовые разряды, т. III, стр. 17, 20, 66, 86, 88, 107, 110, 115, 118, 128, 144, 149, 152, 158, 218, 225, 226, 266, 286, 322, 326, 329, 338, 342, 343, 347, и др

могъ избирать не соборъ, а только государь, при томъ изъ лицъ, которыя ему были нужны и которыя ему нравились; собору вмѣшиваться въ это дѣло было неудобно и на его долю только приходилось смиренно заявлять: „что о такомъ великомъ дѣлѣ (выборѣ патріарха) какъ ты, великій государь, укажешь“.

Но если патріарха всегда избиралъ только царь, то что же значать тѣ извѣстія, которыя говорятъ, что кандидаты въ патріархи избирались на соборахъ, а царь избиралъ только изъ числа лицъ, намѣченныхъ соборомъ? Дѣло тутъ происходило, по нашему мнѣнію, такъ: царь, заранѣе намѣтивши извѣстное лицо въ патріархи, сообщалъ объ этомъ, до собранія собора, одному или нѣсколькимъ архіереямъ, которые на соборѣ обязательно и вносили въ число кандидатовъ указанное царемъ лицо, а къ нему, ради соблюденія формальности, присоединяли еще двухъ лицъ, и этихъ трехъ кандидатовъ соборъ представлялъ государю съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ изъ нихъ одного по своему усмотрѣнію. Понятно, что государи всегда избирали то именно лицо, какое они уже ранѣе предназначили въ патріархи, благодаря чему и получалось такое впечатлѣніе, какъ будто въ патріархи избиралъ соборъ купно съ государемъ, тогда какъ въ дѣйствительности избиралъ только одинъ государь. Все дѣло соборовъ въ этихъ случаяхъ состояло въ томъ, чтобы соборно признать и церковно поставить въ патріархи то именно лицо, которое изберетъ государь.

Не только патріархи, но и всѣ епархіальные архіереи московской Руси тоже избирались не соборомъ, не патріархомъ не паствою, а государемъ. Извѣстный протопопъ московскаго Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ говорилъ Никою патріарху: „прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ (царскимъ духовникомъ), и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, и въ архимандритахъ, и въ митрополитахъ. А которые богомольцы посланы государемъ блаженные памяти ко Іосифу патріарху, чтобы ему поставить, по его государеву совѣту, оныхъ въ митрополиты, и во архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, и игумены и протопопы, а ты съ государемъ духовникомъ

протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ и непрекословилъ нигдѣ, а на постановленіи ихъ не говорилъ: „не аксіось, сирѣчь недостоинъ“ ¹⁾. Изъ этихъ словъ Неронова ясно видно, кто кандидатовъ на митрополичьи, архіепископскія и епископскія кафедры, даже кандидатовъ въ архимандриты, игумены и протопопы, конечно на болѣе видныя и вліятельныя мѣста, избиралъ царь, а патріарху только приходилось посвящать указанныхъ или присланныхъ къ нему царемъ лицъ. Про свое время патріархъ Никонъ такъ писалъ константинопольскому патріарху Діонисію: „нынѣ бываетъ (на Руси) вся царскимъ хотѣніемъ: егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избирати и поставити архіереемъ, избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати,—и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ“. Въ своихъ отвѣтахъ Паисію Лигариду Никонъ заявляетъ, что царь велитъ избирать и поставлять въ архіереи только тѣхъ, „его-жь любить“ ²⁾. Благовѣщенскаго московскаго собора дьяконъ Ѳеодоръ, какъ очевидецъ рассказываетъ, что въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, ставили въ архіереи на Вологду Симона, игумена Свирскаго монастыря. Его рекомендовалъ царю митрополитъ Крутицкій Павелъ. Во время поставленія Симонъ, при чтеніи имъ Символа вѣры, прочелъ по старому „рожденна, а не сотворенна“. Тогда рассказываетъ Ѳеодоръ, „не хотѣ его царь поставити во архіепископы: сзрѣлся, стоя, на Павла митрополита онаго, и съ яростію пыхнулъ, рекъ: ты мнѣ хвалилъ его: не хошу его азъ! И пойде съ мѣста своего. Павелъ же льстець припаде къ нему и рече ему съ клятвою: никако, государь, яѣсть въ немъ того, но промолвился. И повелѣша Симону паки символъ глаголати. Онъ же справилъ рѣчь ту по новому реченію, царь же возвратился на мѣсто, и поставиша его во архіепископы“ ³⁾. Очевидно выборъ и поставленіе епархіальныхъ архіереевъ въ древней Руси зависѣлъ отъ царя, который могъ остановить даже самый начавшійся актъ церковнаго

1) Матер для исторіи раскола, т I, стр 110

2) Записки русск археол общ т II, стр 526—527. Ручопись нашей акад библ № 218, л 184 об

3) Матер для ист раск, т VI, стр 229—239

поставленія, если почему-нибудь поставляемое лицо показалось ему неудобнымъ.

Причины, почему государи московской Руси держали въ своихъ рукахъ выборъ епархіальныхъ архіереевъ, объясняются тѣмъ особымъ своеобразнымъ положеніемъ, какое епископаты занимали въ древней Руси, и которое необходимо ставило его въ полную зависимость во всемъ отъ государя.

Епископы московской Руси не были только духовными архипастырями, заботившимися о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, но и очень важными, съ обширными правами и полномочіями, государственными чиновниками, управлявшими цѣлыми обширными областями, владѣвшими съ соподчиненными имъ монастырями очень значительными землями, множествомъ крестьянъ, всевозможными хозяйственными и промышленными заведеніями, причемъ имъ, на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ, принадлежала въ ихъ земельных владѣніяхъ власть административная, судебная и финансовая, и царскіе чиновники не имѣли даже права вѣзжать въ архіерейскія владѣнія. Кромѣ того, самое духовенство древней Руси, свободное относительно государства, относительно своего епархіальнаго архіерея было податнымъ сословіемъ, обязаннымъ архіерею вносить извѣстныхъ податей, почему оно, въ этомъ отношеніи, и приравнялось къ тяглому сословію, такъ что выраженіе „тяглые попы“ сдѣлалось оффиціальнымъ, — „а oprичъ того съ тяглыми попы не тянутъ ничего“, писалось тогда въ оффиціальныхъ грамотахъ. Государство не только дозволяло архіерею вѣдать и судить по всѣмъ дѣламъ духовенство, но и налагать на него по своему усмотрѣнію подати. Въ царской, напримѣръ, жалованной грамотѣ новгородскому митрополиту Макарію 1622 года между прочимъ говорится, что попы и дьяконы вновь построенныхъ церквей, не вошедшихъ еще въ описъ данныхъ книгъ, обязаны платить подати по тому окладу, „чѣмъ ихъ обложить богомолецъ нашъ Макарій митрополитъ“. Въ царской жалованной грамотѣ патриарху Филарету Никитичу сказано: „вольво ему, отцу нашему, великому государю, святѣйшему патриарху Филарету Никитичу въ своемъ патриаршествѣ ружныхъ и приходскихъ церквей, тѣхъ городовъ и уѣздовъ, и на поповъ, и на дьяконовъ, и на церковныя пустошныя земли свою святительскую дань и

оброкъ наложить, чѣмъ онъ, великій государь, которыхъ ружныхъ и приходскихъ поповъ и дьяконовъ и пустую церковную землю данью своею и оброкомъ изоброчить“.¹⁾

Указанное положеніе древне-русскихъ архіереевъ, какъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ, вело къ тому, что архіереи должны были организовать у себя самостоятельное управленіе своими землями и крестьянами, причемъ они въ устройствѣ своего двора и управленія брали за образецъ княжескій дворъ и княжеское управленіе. Подобно князьямъ они раздавали свои земли въ пожизненное пользованіе разнымъ служилымъ лицамъ, которыя обязаны были съ одной стороны отбывать за это воинскую повинность, такъ какъ она всегда лежала и на архіерейскихъ земляхъ, съ другой—исполнять при архіереѣ тѣ или другія службы, по его назначенію, вслѣдствіе чего у архіереевъ и явился многочисленный классъ свѣтскихъ служилыхъ людей, завѣдывавшихъ административнымъ, судебнымъ и финансовымъ управленіемъ архіерейскихъ земель. А такъ какъ все приходское духовенство въ древней Руси по отношенію къ архіерею было тяглымъ, податнымъ сословіемъ, то свѣтскіе архіерейскіе служилые люди, жившіе при дворѣ архіерея, дѣлаются, съ теченіемъ времени, и епархіальными чиновниками, за вѣдуютъ, по порученію архіерея, различными отраслями епархіальнаго управленія, такъ что имъ подчиняется все приходское духовенство, надъ которымъ они творять судъ и расправу, и собираютъ съ него подати въ пользу архіерея и въ свою собственную, ибо они кормились отъ прохожденія ими той или другой должности по епархіальному управленію. Очевидно, наши древне-русскіе архіереи въ свое епархіальное управленіе внесли частно-владѣльческой характеръ, стали плохо различать свое частное отъ епархіальнаго, а потому, вопреки церковнымъ канонамъ, стали управлять своими епархіями въ томъ же духѣ и чрезъ тѣхъ же лицъ, въ какомъ духѣ и чрезъ какихъ лицъ они управляли своимъ дворомъ и имѣніями. И это понятно. Если духовенство было относительно архіерея податнымъ, тяглымъ сословіемъ, обязаннымъ исправно вносить въ архіерейскую казну извѣстныя подати, то его отношенія къ архіерею въ этомъ случаѣ

¹⁾ Ак. эксп. т. III, № 123 п. 164.

опредѣлялись уже не церковными канонами, но личною волею, усмотрѣніемъ и личными интересами святителя, которымъ руководили опять уже не архипастырскія соображенія, а финансовыя. Архіереи смотрѣль въ этомъ случаѣ на всякое духовное лицо какъ на податную единицу, какъ на такого человѣка, который обязанъ былъ ему взносомъ извѣстнаго количества податей, отъ исправнаго или неисправнаго платежа которыхъ наполнялась или терпѣла ущербъ его архіерейская казна. Тщательно и ревниво оберегая интересы своей казны, предписывая въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ „всѣ подати собирать безъ недобору, а на ослушниковъ правити безъ всякія пощады“, предписывая собирать подати „съ большимъ поспѣшеніемъ — днемъ и ночью“, архіереи считали за лучшее поручить епархіальное финансовое управленіе своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ, какъ болѣе надежнымъ блюстителямъ въ епархіи денежныхъ архіерейскимъ интересовъ, чѣмъ выборные изъ среды того же тяглаго духовенства. Вслѣдъ за финансами свѣтскіе архіерейскіе чиновники получили надъ приходскимъ духовенствомъ и власть административную, судебную и полицейскую, и, въ силу господствовавшей тогда всюду системы кормленія, кормились отъ прохожденія разныхъ епархіальныхъ должностей т. е. на счетъ того же приходскаго духовенства. Архіерейская казна, при такихъ порядкахъ, не тратила на содержаніе архіерейскихъ чиновниковъ ни копѣйки, а между тѣмъ у архіерея постоянно былъ многочисленный штатъ служилыхъ людей, которые во всемъ отъ него зависѣли и которыми онъ свободно могъ распоряжаться по своему личному усмотрѣнію.

Вполнѣ естественно было, что высшая свѣтская правительственная власть т. е. государь, уступая епископу, въ видѣ особой привилегіи, свои административныя, судебныя и финансовыя права надъ извѣстными землями и крестьянами, дозволяя ему облагать податями въ свою пользу все епархіальное духовенство, судить его во всемъ и управлять имъ, какъ тяглымъ сословіемъ, дозволяя ему, какъ владѣтельному князю, имѣть своихъ собственныхъ бояръ, дѣтей боярскихъ, дворянъ и вообще свѣтскихъ служилыхъ людей, приглашая его, какъ важнаго сановника, на засѣданія и боярской думы и земскихъ соборовъ для рѣшенія важныхъ

государственныхъ дѣлъ.—не могла предоставить выборъ и замѣщеніе каедръ епархіальныхъ епископовъ собору іерарховъ т. е. признать автономной епископскую коллегію, которая бы сама, только по своимъ видамъ и усмотрѣнію, замѣщала угодными ей лицами вакантныя мѣста епископовъ и самую патріаршую каедру. Это бы значило создать изъ епископата, при его тогдашней постановкѣ у насъ, такую сильную во всѣхъ отношеніяхъ и тѣсно сплоченную своими интересами автономную коллегію, которая, по своему экономическому и духовно-нравственному могуществу и вліянію, могла сдѣлаться, въ извѣстныхъ случаяхъ, опасною силою для государя. Поэтому, простое благоразуміе необходимо требовало отъ государей, чтобы епископы, наряду со всѣми другими государственными чиновниками, назначались единственно государемъ, во всемъ зависѣли отъ его милости и усмотрѣнія, во всемъ подчинялись ему безусловно и имъ бы, когда нужно, увольнялись отъ занимаемыхъ ими каедръ.

Къ сказанному нужно прибавить и то, что московскіе государи, единолично избирая епископовъ, хорошо знали тѣхъ лицъ, которыхъ они назначали на архіерейскія каедры. Какъ великіе церковники, наши московскіе государи находились въ постоянномъ общеніи съ разными духовными лицами, особенно настоятелями и властями разныхъ монастырей, изъ которыхъ они обыкновенно избирали архіереевъ. Принимая ихъ у себя, когда они являлись къ нимъ въ извѣстные дни съ поздравленіями и монастырскими подношеніями, присутствуя на торжественныхъ церковныхъ службахъ, въ которыхъ всегда участвовали и монастырскія власти, приглашая ихъ, вмѣстѣ съ архіереями, къ своему царскому столу въ разные торжественныя и праздничныя дни, государи имѣли полную возможность лично познакомиться и узнать кандидатовъ въ архіереи и заранѣе намѣчать тѣхъ лицъ, которыхъ они находили болѣе подходящими для занятія архіерейскихъ каедръ, тѣмъ болѣе, что ихъ въ древней Руси было очень не много.

Назначеніемъ патріарховъ и всѣхъ епископовъ царская власть однако не ограничивалась, а шла въ этомъ направленіи далѣе. Все епархіальное управленіе, начиная съ самого патріарха и кончая послѣднимъ епархіальнымъ ар-

хиреевъ, находилось постоянно подъ бдительнымъ надзоромъ и контролемъ царя.

Въ древней Руси, какъ мы говорили, существовалъ у всѣхъ архіереевъ довольно сильно развитый институтъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, избравшихся изъ цѣлыхъ родовъ служилыхъ людей, которые жили при архіерейскомъ домѣ, имѣли въ своемъ пользованіи архіерейскія земли и несли при архіереѣ разныя службы, отъ которыхъ они и кормились. Изъ нихъ избирались архіерейскіе: бояре, дьяки, десятильники, тиуны, праветчики и доводчики, пристава или недѣльщики, дворецкіе, волостели, прикащики, столъники, кравчіе, конюшіе и пр., такъ какъ архіерейскій домъ и все архіерейское управленіе устроены были тогда по образцу княжескаго двора и управленія, причемъ свѣтскіе архіерейскіе чиновники обладали очень обширными полномочіями и правами во всѣхъ дѣлахъ епархіальнаго управленія. За небольшими исключеніями духовныя лица въ архіерейскомъ управленіи тогда почти совсѣмъ отсутствовали, а все оно совершалось при помощи различныхъ свѣтскихъ чиновниковъ. Когда потомъ у великихъ князей и царей московскихъ явились разные „приказы“, какъ правительственныя учрежденія, то, по ихъ образцу, патріархъ Филаретъ Никитичъ устроилъ такіе же „приказы“ и въ патріаршемъ управленіи, а также и въ управленіи епархіальныхъ архіереевъ. Большинство архіерейскихъ приказовъ вѣдали свѣтскіе чиновники. Изъ нихъ самыми важнѣйшими и вліятельнѣйшими были: бояре, дворецкіе и дьяки

Со времени состоявшихся на Стоглавомъ соборѣ опредѣленій о святительскомъ судѣ, архіерейскіе бояре составляли при архіереяхъ судное отдѣленіе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ архіерейской юрисдикціи: у нихъ хранились различныя архіерейскіе указы и распоряженія по различнымъ дѣламъ епархіальнаго управленія: къ нимъ, а не къ архіереямъ непосредственно, обращались царскіе приказы съ своими памятями по тѣмъ или другимъ вопросамъ. Со времени Филарета Никитича въ особомъ патріаршемъ приказѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Розрядъ“, сосредоточивались всѣ епархіальныя судебныя и административныя дѣла, а самый приказъ находился въ вѣдѣніи патріаршаго боярина. Понятно отсюда, какую важную и видную роль во

всемъ епархіальномъ управленіи играли архіерейскіе бояре: всѣ дѣла, какія только подвѣдомственны были архіерею, иногда и дѣла чисто духовныя, проходили всегда чрезъ руки архіерейскихъ бояръ, которые разсматривали и готовляли всякое дѣло, поступившее къ архіерею, благодаря чему они необходимо имѣли огромное вліяніе на рѣшеніе епархіальныхъ дѣлъ и на все вообще архіерейское епархіальное управленіе. — Затѣмъ особенно видное и важное значеніе имѣли при архіереяхъ дворецкіе. На обязанности дворецкаго прежде всего лежало завѣдываніе всѣмъ архіерейскимъ домомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Его вѣдѣнію и надзору подчинены были всѣ архіерейскіе служилые люди: дѣти боярскія, разнаго рода должностныя лица, домовая прислуга, ремесленники, рабочіе и пр. Затѣмъ на обязанности дворецкаго лежало вѣдать и управлять всѣми архіерейскими землями и имѣніями, какъ тѣми, которыя находились въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерея и его, такъ называемыхъ, домовыхъ монастырей, такъ и тѣми, которыя, отдавались въ пожизненное владѣніе различнымъ служилымъ лицамъ при архіереѣ: боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и проч. Дворецкій обязанъ былъ наблюдать за цѣлостію архіерейскихъ земель, заботиться объ увеличеніи ихъ, о замѣнѣ менѣе выгодныхъ болѣе выгодными въ какомъ-либо отношеніи, почему дворецкіе покупали своимъ архіереямъ земли, промѣнивали церковныя земли на земли частныхъ владѣльцевъ и т. п. Но одна изъ самыхъ главныхъ и важнѣйшихъ обязанностей дворецкаго состояла въ томъ, что онъ имѣлъ право суда надъ всѣми лицами, жившими на архіерейскихъ земляхъ — Послѣ бояръ и дворецкихъ особенно важное значеніе въ архіерейскомъ управленіи имѣли дьяки, люди совершенно необходимые во всякомъ дѣлѣ, требующемъ знанія законовъ, старины, письменнаго канцелярскаго искусства, безъ подписи которыхъ ни одна бумага не могла получить оффиціального характера, и безъ дѣятельнаго, и часто руководящаго, участія которыхъ не дѣлалось ни одно сколько-нибудь важное дѣло.

Архіерейскіе бояре, дворецкіе и дьяки держали въ своихъ рукахъ почти все архіерейское управленіе, такъ какъ къ нимъ не рѣдко поступали на разсмотрѣніе и собственно духовныя дѣла. Свѣтское правительство прекрасно понимало

то важное значеніе, какое указанныя свѣтскіе чиновники имѣли во всемъ епархіальномъ архіерейскомъ управленіи, и потому оно постаралось этихъ важныхъ и вліятельныхъ архіерейскихъ чиновниковъ поставить въ прямую зависимость отъ себя, чтобы чрезъ нихъ подчинить своему вліянію и все епархіальное архіерейское управленіе. Стоглавыи соборъ постановилъ, что архіереи не могутъ однолично, безъ одобренія и согласія царя, назначать своихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, и что въ случаѣ неимѣнія архіереемъ лицъ, способныхъ занять эти должности, царь назначаетъ ихъ изъ своихъ чиновниковъ; точно также, безъ согласія и воли царя, архіереи не имѣютъ права и увольнять по своему усмотрѣнію отъ занимаемыхъ ими должностей, назначенныхъ царемъ чиновниковъ. Въ силу этого постановленія Стоглаваго собора свѣтская власть окончательно присвоила себѣ право назначать и увольнять важнѣйшихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, и не только чиновниковъ простаго епархіальнаго архіерея, но и самаго московскаго и всея Руси митрополита, а потомъ патріарха. „Въ запискѣ о царскомъ дворцѣ, чиновачалии, церковныхъ чинахъ“ и пр. (1610—1613 г.), прямо говорится: „а въ справедливости въ духовныхъ дѣлахъ, судить его патріаршіи бояринъ, да дворецкій, да съ нимъ два дьяка, и доводятъ дѣла предъ него (патріарха), а казначей собираетъ и завѣдуетъ казну патріаршу: а дается бояринъ, дворецкій и дьяки отъ государя“. Это свидѣтельство подтверждается и другими данными, которыя приводитъ здѣсь было бы излишне ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ лицѣ архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ царемъ, все епархіальное управленіе архіерея, а также и патріарха, необходимо было подчинено очень чувствительному и стѣснительному для архіерея контролю свѣтской власти. Флетчеръ свидѣтельствуетъ, что власть назначаемыхъ государемъ къ архіереямъ свѣтскихъ чиновниковъ была такъ велика, что епископы не рѣшались самостоятельно рѣшать дѣла, посту-

¹⁾ Желаящіе ближе познакомиться съ свѣтскими архіерейскими чиновниками въ древней Руси и вообще съ строемъ тогдашняго епархіальнаго управленія, могутъ читать мою книгу: „Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси“. Москва, 1874 годъ.

павшіе на ихъ судъ. Такъ, если бы епископъ захотѣлъ смягчить рѣшеніе по какому нибудь дѣлу, то онъ долженъ былъ предварительно предложить это на разсмотрѣніе своимъ чиновникамъ. Такое положеніе дѣлъ, по замѣчанію Флетчера, было слѣдствіемъ того, что эти чиновники назначались не епископами, а самимъ государемъ или его душой, и они обязаны были давать отчетъ въ своемъ управленіи не епископу, а свѣтской власти. Если епископъ получалъ позволеніе имѣть чиновниковъ по своему собственному выбору, то это считалось знакомъ особой царской милости. Предположимъ, что если это свидѣтельство Флетчера объ отношеніи свѣтскихъ чиновниковъ къ архіерею даже нѣсколько и преувеличено, то все-таки остается несомнѣннымъ, что эти чиновники, назначаемые и увольняемые царемъ, и зависѣли отъ царя, а не отъ архіерея, у котораго они служили, и потому въ своей дѣятельности естественно стремились болѣе угодить свѣтскому правительству, чѣмъ духовному. Очень возможно, что царскій чиновникъ, при своемъ назначеніи на службу къ архіерею, получалъ отъ свѣтской власти указанія, какъ онъ долженъ вести себя относительно архіерея, какъ долженъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, и послѣ давалъ отчетъ Государю о своей дѣятельности, о положеніи всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ, такъ что все епархіальное архіерейское управленіе было очень несамостоятельно, находилось подъ постояннымъ бдительнымъ контролемъ свѣтской власти, почему какъ самъ патріархъ, такъ и каждый архіерей постоянно чувствовали себя связанными и очень стѣсненными въ управленіи своими епархіями.

Даже частная жизнь архіереевъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, находилась подъ контролемъ царя. Вотъ доказательство. Казначей монастыря преп. Саввы Сторожевскаго Никита сильно запыль и сталъ вести себя безобразно. Тогда Алексѣй Михайловичъ, бывшій попечителемъ Саввинскаго монастыря, приказалъ держать Никиту въ его кельѣ подъ арестомъ и никуда не выпускать, ради чего къ дверямъ кельи поставлены были стрѣльцы. Казначей Никита сильно оскорбился этимъ и писалъ своимъ друзьямъ, что царь его безчеститъ, поставивъ къ дверямъ его кельи стрѣльцовъ. Узнавъ объ этомъ, Алексѣй Михайловичъ послалъ Никитѣ письмо, полное крайняго негодованія на Никиту: „Отъ царя и великаго

князя Алексѣя Михайловича всея Руси. Врагу Божію, и богоненавистнику, и христонепродавцу, и разорителю чудотворцову дому, и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню, и злему пронырливому злодѣю, казначею Никитѣ. Уподобился ты сребролюбцу Юдѣ, якоже онъ продалъ Христа за тридесять сребреникъ, а ты промѣнилъ, проклятой врагъ, чудотворцовъ домъ, да и мои грѣшныя слова, на свое умное и збойливое пьянство, и на умныя, на глубокіе, пронырливыя вражьи мысли. Самъ сатана въ тебя, врага Божія, вселился. Кто тебя, сиротину, спрашивалъ надъ домомъ чудотворцовымъ, да и надо мною грѣшнымъ, властвовать? Кто тебѣ сію власть мимо архимандрита далъ, что тебѣ безъ его вѣдома стрелцовъ и мужиковъ моихъ михайловскихъ бить?“ Затѣмъ царь пишетъ: „да ты жь, сатанинъ угодникъ, пишешь къ друзьямъ своимъ и вычитаешь безчестье свое вражье, что стрѣлцы у твоей кельи стоятъ. И дорого добрѣ, что у тебя, скота, стрѣлцы стоятъ. *Лутче тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣлцы, но нашему указу, которой владыко тѣмъ же путемъ ходитъ, то и ты окажся!*“ Очевидно Алексѣй Михайловичъ приказывалъ, какъ обычное дѣло, выдерживать подъ арестомъ и самихъ митрополитовъ, если который владыка начиналъ вести себя такъ же неблаговидно, какъ и саввинскій казначей Никита.

Нормы той или другой церковной жизни, разныхъ правила и постановленія, обязательныя для всей данной церкви, обыкновенно вырабатываются соборами, которымъ принадлежитъ высшая законодательная и судебная власть въ церкви. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ на Руси было, по разнымъ поводамъ, особенно много соборовъ. Но и на соборахъ, гдѣ непремѣнными членами были архіерей и другія духовныя лица, которые должны были по даннымъ вопросамъ выражать голосъ церкви,—и на соборахъ главное и рѣшающее значеніе имѣлъ государь, такъ какъ безъ его воли и согласія не могъ состояться ни одинъ церковный соборъ, равно какъ безъ его одобренія ни одно соборное постановленіе не могло получить силы закона. Причина этого явленія коренилась въ тѣхъ особыхъ представленіяхъ о царѣ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи, какія имѣла древняя Русь, и по которымъ царю принадлежитъ всецѣлая забота не только о дѣлахъ государ-

ственныхъ, но въ равной мѣрѣ и о дѣлахъ церковныхъ Царь есть единственный источникъ всякаго закона, какъ гражданскаго, такъ и церковнаго, такъ какъ онъ, по мнѣнію древней Руси, былъ намѣстникомъ Бога на землѣ и ему Господь, какъ своему намѣстнику, вручилъ заботу и попеченіе не только о дѣлахъ государственныхъ, но и о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ.

Іосифъ Волоцкій о царяхъ выражается такъ: „*бози бс есте (цари) и сынове Вышняго. Васъ бо (царей) Богъ въ себе мѣсто посади на престолѣ своемъ...* Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, *властію же подобенъ есть вышнему Богу..* Господь Богъ устроилъ царя въ свое мѣсто, и посадилъ на царскомъ престолѣ, судъ и милость предать ему, и *церковное и монастырское*, и всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попеченіе вручилъ ему“ ¹⁾. При вѣнчаніи на царство Феодора Ивановича (1584 г.) митрополитъ между прочимъ говорилъ ему: „*васъ (царей) Господь Богъ въ себе мѣсто избрѣ на земли, и на свой престолъ вознесъ, посади, милость и животъ положи у васъ*“ ²⁾. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ пишетъ государю Алексѣю Михайловичу отъ 27 февраля 1654 года: „припадаю, молю твое благородіе, о равноапостольне, послушати изволи въ сокрушеніи сердца вошющаго ти и слезный источникъ проливающаго ти, государю, и *яко богу по Бозѣ приобѣгающаго къ державѣ твоей...* О благочестивый царю, *иже воистину по Бозѣ бози*“. Другой противникъ патріарха Никона—Лазарь училъ, что власть царя божественна, и что „якоже отстоитъ небо отъ земли, и солнце выше луны и больши свѣтомъ есть: сице и царская божественная власть выши и больши прочихъ властей“. Гдѣ нѣтъ царя, или гдѣ царская власть восхищена другими, тамъ, по мнѣнію Лазаря, царствуетъ антихристъ. „Егда въ Римѣ, говоритъ онъ, духовный чловѣкъ—папа восхити на ся царскую Божию власть: и оттолѣ антихристово властительство есть въ Римѣ. Сице бо и о Царьградѣ: яко Божія царскія власти не имѣютъ“. Пнокъ Авраамій пишетъ государю Алексѣю Михайловичу: „*вся тя-*

1) И Хрущева: Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 201 и 226

2) Собръ госуд грам. и доч. т. II. № 51, стр 81.

гота церковная нынѣ на твоей выи виситъ: а на властей нынѣ ни на которыхъ нечево смотрѣть—времени служить, а на передъ не озираются бѣдніи пастуси“¹⁾).

Церковные наши соборы, съ своей стороны, тоже проповѣдывали, что вѣдѣнію царя подлежатъ всѣ церковныя дѣла и самые церковные соборы. Такъ въ постановленіяхъ собора 1660 года о царѣ говорится: „ему же (царю) свою церковь Господь преда, и закону ея поучатися день и ночь научи на устроеніе и вознаграженіе сущимъ подъ рукою людемъ... Царь Боговѣнчанный, паче же благочестивый, православный и христоролюбивый, есть благочинный раздаватель чина: ему яко благочинному чина раздателю, о благочиніи церковномъ, о боголѣпномъ православныя церкви апостольскія благоустроеніи же опасно пещися и тщатися всегда подобаетъ... Оному—царю, яко общему всѣмъ благу, не точію о благочиніи церковномъ тщатися, и опасное о боголѣпномъ православныя церкви Христовы благоустроеніи попеченіе творити, но и во общую спасаемыхъ душъ православныхъ пользу, по благословной винѣ церковной, богоугодно священный соборъ созывати подобаетъ“²⁾).

И сами русскіе цари вѣрили и заявляли, что имъ Господомъ поручена забота и попеченіе не только о дѣлахъ государственныхъ, но и о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, тѣмъ болѣе что отъ правильнаго теченія церковныхъ дѣлъ зависѣло и благосостояніе самаго государства. Первый русскій царь—Иванъ Васильевичъ, въ соборной грамотѣ 1564 года о бѣломъ клобукѣ, такъ опредѣляетъ свои отношенія къ церковнымъ дѣламъ: „пріяхомъ скипетры російскаго царства, также и во благосостояніе святыхъ Божиихъ церквей, и монастырей, и мѣсть“³⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ отличалъ себя отъ Царя небснаго существенно только тѣмъ, что онъ, въ противоположность небсному вѣчному Царю, есть царь „тлѣнный“. Въ письмѣ къ боярину и воеводѣ В Б Переметеву онъ пишетъ: „вѣдомо тебѣ самому, какъ великіи Царь и вѣчный изволилъ бытъ *у насъ, великаго госу-*

1) Матер для ист. раск. т I, стр. 53, 60 т IV, стр. 251, 253—254 т VII, стр. 275.

2) Гиббенета: Дѣло патріарха Никона, т I стр. 215 Дѣло о Никонѣ, стр. 95

3) А II т I, № 173, стр. 331

даря и тлѣннаго царя, тебѣ Василью Борисовичу, въ боярехъ не туне... Не просто Богъ изволилъ намъ, великому государю и тлѣнному царю, честь даровати, а тебѣ принять... Какъ по изволенію Божию и по нашему великаго государя и тлѣннаго царя указу“¹⁾... Онъ же, въ грамотѣ къ антиохійскому патріарху Макарію, приглашая его пребыть въ Москву для суда надъ Никономъ, между прочимъ пишетъ, что обязанности царя не о царскомъ только пешися, но самое главное: „еже есть общій міръ церквамъ и здраву вѣру крѣпко соблюдать и хранити намъ; егда бо, поясняетъ свою мысль царь, сія въ насъ въ цѣлости снабдятся, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бывають: миръ, и умноженіе плодовъ, и враговъ одолѣніе, и прочіи вещи вся добрѣ устроятися имуть“²⁾. Царь Феодоръ Алексѣевичъ, въ грамотѣ объ устройствѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ академіи, заявляетъ, что его царская „первая и величайшая должность—охраненіе восточныя православныя вѣры, и тоя о разширеніи промышленія“³⁾.

Московскіе государи въ сознаніи лежащей на нихъ высокой и очень отвѣтственной обязанности заботиться о всѣхъ дѣлахъ вѣры и церкви, направлять и исправлять ихъ, если бы онѣ въ какомъ либо отношеніи приняла неправильное теченіе, считали себя, какъ намѣстники Бога на землѣ, призванными контролировать всю церковно-религіозную жизнь народа, имѣть надъ нею свой постоянный верховный надзоръ, руководить и заправлять всѣми дѣйствіями самыхъ церковныхъ высшихъ властей, строго наблюдая, что бы церковная дѣятельность послѣднихъ всегда была согласована съ божественнымъ закономъ, охранителями и исполнителями котораго являются цари.

Въ виду указаннаго представленія о себѣ нашихъ московскихъ государей, они считали себя въ правѣ предпринимать свои собственныя мѣры къ упорядоченію, исправленію и улучшенію религіозно-нравственной жизни народа, дѣйствуя въ этомъ случаѣ помимо всѣхъ церковныхъ властей и учреждений. Примѣровъ этого рода распоряженій государей очень много и мы укажемъ здѣсь только нѣкоторыя.

1) Зап. рук. археол. общ. т. II, стр. 751—754.

2) Гиббенеть, т. II, стр. 578.

3) Воробьева. О московскомъ соборѣ 1681—1682 года, стр. 9.

Отъ 10 марта 1660 года государь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ Великій Новгородъ свою грамоту къ боярину и воеводѣ князю Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи. Въ этой грамотѣ государь заявляетъ: ему, государю, вѣдомо учинилось, что есть такіе разныхъ чиновъ люди, всеу называющіе себя православными христіанами, которые со всѣмъ не имѣютъ у себя отцевъ духовныхъ, не считаютъ нужнымъ исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ, хотя бы имѣли уже болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду; что если такія лица захворавъ и боясь, что ихъ, въ случаѣ смерти, не похоронятъ около церкви, и прибѣгаютъ къ исповѣди, но эта исповѣдь бываетъ уже подневольной и „вмалѣ пріятна Богу“, тѣмъ болѣе, что выздоровѣвъ, они опять перестаютъ исповѣдываться, и нѣкоторые изъ нихъ такъ потомъ и умираютъ безъ покаянія, ради внезапной смерти. Царь настаиваетъ, что бы всѣ говѣли и исповѣдывались во всѣ четыре поста, а если это кому невозможно „великія ради нужды“, то три или два раза въ годъ. А если кому „отнодъ невозможно и дважды въ годъ“, то говѣли бы каждый великій постъ, „оставя всякую нужду и презря всякое дѣло земное, и всякія суеты и душетлѣнныя печали“, иначе, говоритъ царь, „той нѣсть достоинъ нарещися истиннымъ христіаниномъ... таковъ чуждъ есть христіанскаго званія, и святыя отцы іереемъ Христовымъ заповѣдаша не приняти у таковыхъ никакого приношенія въ церкви Божіи, не повелѣша входить въ церковь Божію“. „И сего ради пишетъ царь, мы, великій государь, о таковыхъ погибельныхъ и не кающихся душахъ изволили душею своею поскорбѣти, что бѣ таковыхъ погибельныхъ душъ на истинный путь—на покаяніе обратити, и тѣмъ гнѣвъ Божій укротити, и милостива Его сотворити православному роду россійскому благочестивыя своя державы“. И вотъ царь приказываетъ воеводѣ съ товарищами, когда къ нимъ придетъ эта царская грамота: „и вы бѣ, въ Новгородѣ и новгородскомъ уѣздѣ, архимандритомъ, и игуменомъ и протопопомъ, и приходскихъ всѣхъ церковей попомъ и дьякономъ церкви Божіи пасти, законъ и заповѣдь хранить такожде велѣли“. Затѣмъ идутъ царскія наставленія духовенству, какъ оно должно дѣйствовать въ данномъ случаѣ, причемъ ему повелѣвается „росписи ослушниковъ и безстрашниковъ“ т. е. ни разу въ годъ не исповѣдавшихся,

присылать въ Москву въ монастырскій приказъ окольникему Стрѣшневу и дьякамъ, и тогда „такowymъ ослушникамъ нашъ, великаго государя, указъ будетъ съ опалю, безъ всякія пощады“. А если бь кто изъ духовныхъ сталъ покрывать такихъ ослушниковъ, не сталъ бы на нихъ доносить и это царю сдѣлается извѣстнымъ, то такимъ „приходскихъ церквей попомъ и дьякономъ за то отъ насъ, великаго государя, быть въ великой опалѣ и пени, а по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ въ большемъ запрещеніи“. Въ заключеніе царь приказываетъ воеводѣ съ товарищами ѣхать съ этою грамотою въ соборную церковь, предварительно собравъ въ ней все духовенство и прихожанъ, „и велѣли бь сію нашу, великаго государя, грамоту честь всѣмъ людемъ въ слухъ, что бь сей нашъ, великаго государя, указъ всѣмъ былъ вѣдомъ, и ходили бь противъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ по сему нашему, великаго государя, указу“. Списки съ грамоты повелѣвается разослать по монастырямъ и приходскимъ церквамъ новгородскаго и великолукскаго уѣздовъ¹⁾.

Приведенная грамота государя очень характерна въ томъ отношеніи, что въ ней царь рѣшительно и открыто выступаетъ въ качествѣ епархіальнаго архіерея, удрученнаго заботами о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, объ обращеніи на путь истинный—путь покаянія грѣшниковъ, о чемъ прежде всего и ближе всего должно бы было позаботиться не царю, а мѣстному епархіальному архіерею и мѣстному духовенству. Съ другой стороны эта грамота характерна въ томъ отношеніи, что она посылается царемъ не мѣстному архіерею или какому либо другому духовному лицу, а чиновнику государственному: воеводѣ съ товарищами. Имъ поручается въ соборѣ собрать архимандритовъ, игуменовъ, все соборное и приходское духовенство и народъ, и прочесть предъ всѣми учительско-назидательную грамоту государя, а списки съ нея разослать по монастырямъ и приходскимъ церквамъ въ уѣздахъ. Наконецъ царь требуетъ отъ духовенства, чтобы оно о небывшихъ на исповѣди своихъ прихожанъ обязательно доносило не архіерею, не духовному вообще начальству, а начальнику монастырскаго приказа—окольнику Стрѣшневу, и тогда, не архіерей или какая либо иная церковная власть,

¹⁾ А. Э. т IV, № 115.

а самъ царь, какъ виновныхъ грѣшниковъ, такъ и тѣхъ духовныхъ лицъ, которые не будутъ доносить о не бывшихъ на исповѣди прихожанахъ, станеть наказывать своею великою опалю и пенями и большимъ запрещеніемъ. О томъ, что бы передать надзоръ за всѣмъ этимъ чисто духовнымъ дѣломъ мѣстному архіерею и духовнымъ властямъ, имъ поручить наблюденіе за исполненіемъ царской грамоты, явтъ и намека,—все дѣлаеть только царь чрезъ своего воеводу съ товарищами, епархіальной же духовной власти какъ будто и не существуетъ.

Укажемъ на другое распоряженіе царя Алексѣя Михайловича: „лѣта 7170 (1662 г.) царь Алексѣй Михайловичъ указалъ: „филипповъ постъ, отъ начала до совершенія, всѣмъ православнымъ христіаномъ поститься; въ монастырѣхъ потому жъ имѣти житіе, приличное иноческому общанію. Притомъ въ монастырѣхъ и по соборамъ и по мірскимъ церквамъ предъ литургією, или послѣ, пѣть молебны: въ понедѣльникъ—о соединеніи церквей, въ среду—Богородицѣ, въ пятокъ—о побѣдѣ на супостаты“¹⁾. Въ этомъ чисто церковномъ распоряженіи царя скорѣе видѣнъ заботливый, ревнующій о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, архипастырь, нежели свѣтскій правитель государства.

Какъ сильно наши московскіе благочестивые государи были проникнуты церковностію, это особенно ярко видно изъ того, что они даже на военное дѣло, съ его удачами и неудачами, смотрѣли съ строго религіозно-церковной точки зрѣнія, и побѣды и пораженія своихъ генераловъ—воеводъ объясняли не иначе, какъ степенью ихъ благочестія и истовостію соблюденія ими церковнаго устава. Воеводѣ Лобанову-Ростовскому, потерпѣвшему, въ войнѣ съ Польшею, неудачу подъ Мстиславлемъ, Алексѣй Михайловичъ пишетъ, „нынѣ къ тебѣ окольничему нашему и воеводѣ, пишемъ не для того, что къ городу не приступать и промыслу не чинить, но для того, что ты къ городу приступалъ безъ разсмотрѣнія всякаго, положи упованіе на свое челоуѣчество и дородство, кромѣ Бога, а божественная писанія не вспомянулъ: не надѣйтесь на кесари, на сыны челоуѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія, изыдетъ духъ ихъ и возвратится въ землю

¹⁾ Изъ имѣющейся у меня архивной выписки.

свою. А, по прилучаю, время то и пришло что приступать, и въ началѣ тебѣ, окольникему и воеводѣ, достойтъ внутрь себя пріити и сокрушить сердце свое предъ Богомъ, и восплакать горцѣ въ храминѣ своей тайно предъ образомъ Божиимъ о побѣдѣ, и предъ образомъ Пречистыя Матери Его, пресвятыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ тоже достойтъ призывать молитву ихъ о побѣдѣ же, что бы Господь Богъ, въ началѣ, нашихъ, великаго государя, воеводъ и всѣхъ ратныхъ людей сохранилъ, а всепѣтая наша и общая заступница пресвятая Богородица покрыла омофоромъ своимъ, юже видѣ Андрей на воздухѣ молящуюся за ны къ сыну своему и Богу нашему; такъ же бы и всѣ святые сотворили молитву къ Господу Богу за васъ, воеводъ, и за всѣхъ нашихъ, великаго государя, ратныхъ людей, во еже помощи вамъ и спасти васъ отъ всякаго вреда, — а не на свое высокоуміе полагагца. Да достойтъ и святымъ и страннымъ нозѣ умыти; а кто святые и странные меньшая братія Христова? По Его евангельскому словеси: бѣдныя, маломощныя сироты.. Аще бы у васъ въ полку сотворилося крѣпко, вѣрую Богу и Господу нашему, что бѣ Мстиславль вскорѣ одолѣнъ былъ отъ васъ, воеводъ нашихъ. *Покоюнью, молитвъ, милостыннѣ, страннлюбію не можетъ никакой непріятель сопротивъ стати:* ни агаряне, ни самъ адскій князь, всѣ окрестъ бѣгають и трепещуть“. Еще болѣе характернымъ и оригинальнымъ является посланіе царя Алексѣя Михайловича къ другому генералу - воеводѣ, которому онъ указываетъ одно изъ вѣрныхъ средствъ одержать побѣду надъ непріателемъ. Царь пишетъ: „*да держись единогласнаго пѣнія, аще и нужда приключится—не поспѣтъ отпѣть единогласно... и тебѣ бы, рабу Божию, творити по сему указу. Какъ застанеть дѣло (т. е. битва), и ты отъ пѣнія поди и вси слушающей съ тобою на дѣло Божіе (т. е. на битву со врагомъ), за помощію Его святою; а въ умѣ помыслиай Исусову молитву, а пѣніе великое послѣ себя по уставу и по чину единогласно же. Ей причтенъ будешь въ царствіи небесномъ съ лики святыхъ, аще сія заповѣди Божіи управлены будутъ по сему указу, и поспѣшатъ сія заповѣди Божія и святыхъ отецъ тебѣ, рабу Божию, во всякомъ дѣлѣ. А о томъ не оскорбляйся, что не дослушалъ и пойдешь на дѣло воинское съ радостію; поди безъ всякаго сомнѣнія, а*

пѣніе вмѣняется тебѣ въ слушаніе, что и безъ тебя то пѣніе кончается по чину и по заповѣди св. отецъ. А будетъ и при тебѣ то пѣніе сотворяемому чрезъ заповѣдь Божию и святыхъ отецъ (т. е. многогласно), и то (т. е. многогласное) пѣніе тебѣ и всѣмъ ратнымъ людямъ не къ поспѣшенію и не ко одолѣнію будетъ, но ко всякому нестроенію и поврежденію всякому добродѣлю; и о семъ да дастъ тебѣ Господь Богъ благое разсужденіе и твердое состояніе въ семъ дѣлѣ, и да явишся всѣмъ врагомъ страшень“¹⁾.

Если царь и на военное дѣло смотрѣлъ съ церковно-уставной точки зрѣнія, и считалъ своею священною обязанностию назидать своихъ боевыхъ генераловъ-воеводъ прежде всего въ благочестіи, какъ главномъ условіи одержанія побѣдъ надъ врагами; то тѣмъ болѣе, конечно, онъ старался прилагать эти свои воззрѣнія ко всѣмъ житейски—государственнымъ отношеніямъ и положеніямъ, всячески проводить ихъ во всю общественную жизнь, и особенно настойчиво и внимательно слѣдилъ, что бы высшая церковная власть всегда дѣйствовала въ этомъ духѣ и направленіи, исполняя волю и желаніе благочестиваго государя, который, по этому являлся въ Московской Руси главнымъ инициаторомъ церковныхъ распоряженій высшей духовной власти. Изъ множества фактовъ этого рода укажемъ на два. Патріархъ Іосифъ въ 1646 году, 16-го февраля, писалъ: „указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Руси, на Москвѣ сій святой великій постъ, протопопомъ, и попомъ и дьякономъ, и всѣмъ православнымъ христіаномъ постится и жити въ чистотѣ совсякимъ воздержаніемъ, и отъ пьянства и отъ неправды и отъ всякаго бѣ грѣха удалялись“. Въ виду полученія такого указа отъ государя патріархъ и дѣлаетъ соотвѣтствующія распоряженія по Москвѣ, посылая объ этомъ московскому духовенству свой наказъ²⁾. Въ 1649 году тотъ же патріархъ Іосифъ, въ грамотѣ къ Маркеллу, архіепископу вологодскому, вооружается противъ сильно развившагося среди иноковъ монастырей пьянства, противъ недостатка въ монастыряхъ церковнаго благочинія, противъ не единогласнаго пѣнія и другихъ монастырскихъ

1) Записки русск археол. общ т II, стр 744—745. 762—763.

2) А. э. т IV, № 321.

не-порядковъ и безчиній, при чемъ патріархъ поясняетъ: „а мнѣ, богомольцу своему, государь велѣлъ послать по всѣмъ монастыремъ грамоты, что бѣ отнюдь въ монастыряхъ хмѣльнаго никакого питья не было, и жили бѣ по преданію древнихъ святыхъ отецъ, и по чину монастырскому и уставу“, т. е. самъ патріархъ открыто признаетъ, что его теперешнія заботы о введеніи благочинія въ монастыряхъ есть только исполненіе воли и приказа государя, а не результатъ его личной архипастырской заботливости объ устроеніи монастырской жизни ¹⁾.

Н. Кантеревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

